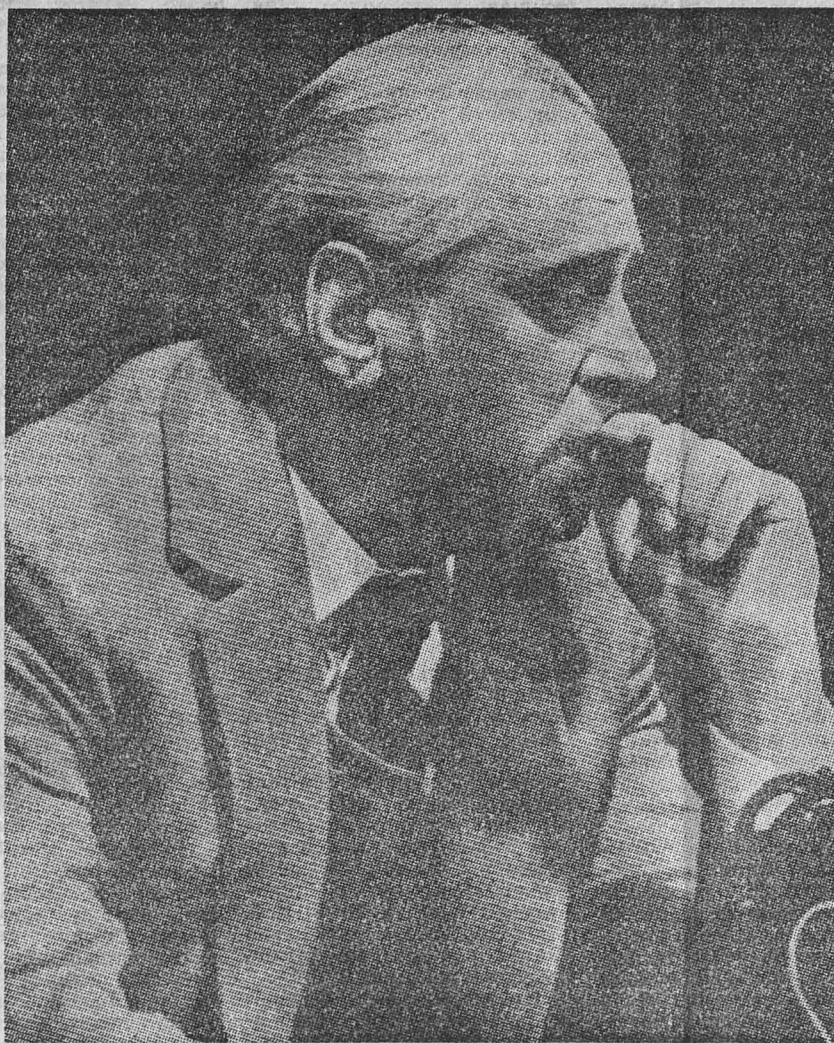

рассуждения с позиции человека, посвятившего свою долгую, нескладную жизнь вопросам морали и духовности

Сегодня, говоря о сути перемен, совершившихся в нашей стране за последние три года, употребляют массу сложнейших терминов, делают глубокие экскурсы в историю экономики — рыночные отношения, нерыночные, ваучеры, приватизация, проценты, дивиденды и т. п. слышится день и ночь. Но если посмотреть в суть вещей, то в принципе все проще и страшнее. Сегодня мир раскололся пополам. И раздел этот произошел в области нравственности. Противостоят друг другу два способа существования: индивидуалистический, наиболее полно развивший себя в капитализме, и, выстраданный веками, наш соборный, коллективистский принцип жизни, стремящийся к социальной справедливости.

Лично для меня капитализм безнравствен по сути, так как кощунственно, когда прибавочную стоимость создают одни (огромное большинство), а пользуются ею другие (ничтожное количество).

Великая Октябрьская социалистическая революция, которую сегодня любят уподоблять перевороту, была именно Великой и именно Революцией. Ибо она изменила экономические, политические, социальные, а главное — нравственные основы нашего бывшего капиталистического общества. Она предложила в качестве государственной программы новый способ существования людей, который оказался кровно близок нашему народу, с его тягой к коллективизму, с его стремлением решать все вопросы соборно, сообща, на миру, с его ува-

СОЗНАНИЕ НЕПРАВДЫ

жением к человеку труда, к Человеку с большой буквы. Труд стал мерил ценности и нравственности человека. Вспомним у Горького: «Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша». Мы стали страной Человека Труда. В труде нет соперников, труд предполагает сообщество людей, их солидарность. Ритм труда соединял людей, породив при социализме новую общность людей — советский народ.

Кстати, капитализм тоже породил новую общность людей — американский народ, основанную на своей философии и своей экономике. Никто не стыдится называть так людей разных национальностей, живущих в Америке, а наши доморощенные критиканы стыдливо объявляют понятие «советский народ» несуществующим.

Тысячелетиями народы нашей страны жили по принципам: один за всех, все за одного, человек человеку — друг, товарищ и брат. У нас не прижилось постулаты индивидуализма: каждый за себя, выживает сильнейший, падающего подтолки.

При Советской власти возникло и новое многонациональное искусство, национальное по форме и социалистическое по содержанию. Образ жизни капитализма тоже породил свое искусство, мы теперь вблизи узнали его. Культ силы, пропаганда секса и порнографии, рок-н-ролл, тяжелый рок, металл, другие шедевры и, главное, пропаганда одинокого супермена, который сам по себе, который не предполагает в жизни никакой соревновательности, но видит смысл существования в конкуренции, то есть в уничтожении соперника, в то время как наша соревновательность предполагает взаимовыручку, дружеское отношение в труде — без тайн, без подставок и жульничания.

Именно взаимовыручкой Советская власть была особенно сильна. Смотрите, мы забросили свои села и деревни и поехали на окраины великой страны, чтобы помочь далеким северянам составить азбуку, научиться читать и писать, чтобы вытащить Среднюю Азию из вековой нищеты и страшных эпидемий, чтобы поднять целинные земли Казахстана, чтобы в труде вы-

работать содружество наций, создать новую интеллигенцию в самых отдаленных уголках нашей Родины.

Национальная политика социализма предполагала уважительное отношение к культуре каждого народа, к ее самобытности. Ручейками культур отдельных народов питаемо было интернациональное советское искусство, крепившее братство народов на основе труда.

В 1917-м мы взяли на вооружение лозунг Великой французской революции «Свобода, Равенство, Братство». Не все получилось у нас со свободой и равенством, которое подменялось иногда уравниловкой. Но вот братство в нашем многонациональном Советском Союзе вышло, с этим получилось.

Мы свободно общались друг с другом, устраивали в Москве грандиозные декады искусства и культуры национальных республик. И это, признаемся, были истинные праздники, которые были великолепным стимулом в работе. И если раньше мы гордились своей национальностью в общем Советском Союзе, то теперь, разделенные видимыми и невидимыми барьерами, мы кичимся своей национальной самостийностью, исключительностью. Мы распались: на государства, на регионы, на города и городки. Каждая единица живет по своим законам, у каждого они свои — в Самаре и в Новгороде, во Владивостоке и в Магадане. И все наши регионы называются «субъекты Федерации», но для меня это звучит как «объекты резервации».

Прервались сообщающиеся сосуды. Для искусства это смерть. Я могу назвать десятки, сотни советских писателей, поэтов, артистов, режиссеров, деятелей кино разных национальностей, которых прославило советское искусство во всем мире. И теперь эти таланты уяли. Что мы создали за эти годы?

Ф. М. Достоевский добрую сотню лет назад писал: «Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши миллионы русских (или там сколько их народится) будут все когда-нибудь образованны, очеловечены и счастливы». Прошел век, и в середине XX столетия уже наш русский

Был референдум, мы все проголосовали за Союз, Союз разрушили, и все молчим, страдаем; мы выбирали своих депутатов в Верховный Совет России, в высший орган народовластия в нашей стране. Верховный Совет расстреляли, депутатов разогнали, не спрашивая нашего мнения. Речь идет не о реформах, которые были призваны улучшить жизнь всего народа, а о самой настоящей контрреволюции в угоду обогащению меньшинства, против большинства общества, превращенного за это короткое время в сплошное нищенство. Ведут разговор о реставрации. А что такое реставрация? Опять же возьмем словарь — временная победа реакции, не более того.

Нам твердят: большевики прервали национальные традиции морали, духа, нравственности. Нет и нет! Наилучшей русской духовной традицией была идея социальной справедливости. С этой идеей поднимал несчастных, обездоленных людей Степан Разин, потом Емельян Пугачев. Кровавое воскресенье, положившее начало первой русской революции. В недрах национального самосознания почерпнули большевики эту великую цель нации, бережно сохраняя основополагающие моральные устои народа. Вспомним тургеневских, некрасовских, чеховских, толстовских героев — их нравственный облик никак не противоречил моральному кодексу строителей новой жизни. Это сегодня высокая нравственность, скромность, стыдливость, целомудрие, приличные советскому человеку, оказались не в чести, как, впрочем, и сама идея социальной справедливости.

Но все наносное, чуждое национальному стереотипу, не будет долговечным, а все то, что имеет глубокие исторические корни, в итоге обязательно победит.

Если народам навязывают схемы, противоречащие национальному существу, возможна только катастрофа. А схема капитализма, предложенная нам сегодня, именно противоречит и русскому, и тем более советскому национальному стереотипу. Это мы уже проходили в начале XX столетия. Тогда Россия становилась страной «развитого капитализма», но сама идея этой формации была отринута народами, которые никогда не жили и не будут жить по принципам индивидуализма.

Стефан Цвейг в свое время хорошо сказал о корнях нашей культуры, ее отличии от других европейских культур: «Герои Диккенса мечтают о маленьком домике, теплом очаге и благополучии своего потомства, герои Бальзака грезят высокими титулами и миллионами, герои Достоевского и Толстого никогда не помирятся на личном только счастье, для них счастье — это счастье всего народа, всего человечества, они так устроены, что живут идеей космического совершенства».

Пожалуй, лучше не скажешь, лучше не определишь национальную природу нашего человека. И еще одна уже совсем забытая нами фраза, оброненная некогда Мариной Цветаевой: «Сознание неправды денег на Руси невытравимо».

Мы — люди труда — собрались здесь. Труд — единственное счастье и удовольствие на Земле, и единственное благо, и единственное мерило справедливости или несправедливости всех государственных законов. Труд, а не деньги должен стать хозяином в нашей стране.

Сегодня восстановить Союз — значит спасти наше коллективное житье, это значит спасти нашу многонациональную Родину, спасти нашу культуру.

советский писатель Федор Абрамов мог сказать устами своего героя: «...через какие беды, через какие испытания прошли, а живем да еще всему миру светим». А что мы можем сказать сегодня? То, что поголовно грамотный в недавнем прошлом народ через год-два в народившемся поколении будет иметь грамотными лишь единицы?! Что превращенная в огромную барахолку Россия уже никому не будет светить?!

Сегодня принято клеймить социалистический реализм, якобы придуманный большевиками. А что такое наш «соц. реализм» — это умение показать жизнь такой, как она есть, да сообщить описываемому смысл идеала, показать, какой жизнь должна быть по законам правды, красоты и гармонии. Это что — придумали коммунисты? Свет идеала всегда был дорог и нужен и Толстому, и Пушкину, и Достоевскому, и Чехову.

Когда обновленное руководство Союза объявило переход к реформам, кто же был против? Нет, у каждого из нас за годы Советской власти накопились свои претензии и к властям, и к строю. Реформировать или перестраивать нам было что. Но реформы, откроем словарь, — значит преобразование, переустройство, изменение к лучшему, не затрагивающее основ существующего строя. Повторю: не затрагивающее основ!

Что же предлагают нам сегодня под видом реформ? Именно ломку основ.